

Я скучаю

Чечитов А. А.

18+

Александр Александрович Чечитов

Я скучаю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69286036

SelfPub; 2023

Аннотация

В декабре тысяча девятьсот сорок третьего года, в самый разгар великой отечественной войны почти сто тысяч калмыков были депортированы. Разбросанные по обширной, восточной части страны, люди столкнулись с тяготами и лишениями, а многие по просту не доехали, умерев по пути следования. Это событие стало черным пятном в истории калмыцкого народа. Рассказ попытка представить, что чувствовали и о чём мечтали люди, оторванные от родины.

Александр Чечитов

Я скучаю

На внешней стороне деревянной лавки, бабушка Айса резанула угол острым лезвием, так, что осталась глубокая зарубка. Теперь под ветхой рукой появилась ещё одна из тысяч отметин, поставленных с момента, когда её и десятки тысяч других калмыков пригнали в чужие края.

Бабушка Айса ждала возвращения сына и внука, рассматривая тонкое, изящное лезвие ножа. Маленький, резной клинок с рисунком в восточном стиле, достался ей от папы. Минуло очень много лет, и сейчас казалось, это уже произошло в другой жизни или даже не с ней.

Эта вещица, напоминала о родителях, прежнем времени и родине. По возрасту и силе, бабушка Айса теперь не могла трудиться наравне с остальными. И потому, старалась хоть изредка прибираться в бараке, помогать с внуком Саналиком.

Кровати теснились длинными рядами в два этажа, в холодном, вытянутом пространстве барака. В первые месяцы на них не было и подстилки. Со временем, появилось кое-какое белье. Переселенцы были рады и этому маленькому

удобству.

Пожилая степнячка часто вспоминала, долгую, гремящую дорогу в железных, обледенелых вагонах, что тряслись и дребезжали не прекращая. Каждый проведенный в пути день, бабушка Айса могла пересказать. Дочь и пять её внуков оказались сгружены на промежуточных станциях по пути следования на восток страны. Погибли от холода и усталости.

А ведь они толком и не успели пожить. Бабушке Айсе казалось, что с каждым из детей ушла часть неё самой.

Попрощаться не дали. В полной безвестности и грохоте колёс родные, но уже холодные сердца остались на неизвестных станциях.

Даже названия этих окраин большой страны были сложны, для бабушки Айсы, не знавшей русского языка. Природа Сибири, встретила степной народ голодом и лишениями. Местные поначалу настороженно принимали вновь прибывших с юга страны переселенцев. Особенно тяжело пришлось в первый год. Каждая семья имела потери.

Постепенно, крошечными шагами жизнь налаживалась. Соразмерно времени и ситуации. Уж такова натура человека, что где бы он ни оказался, начинает привыкать. Прижи-

вается и крепнет. Так и степной народ обживался на новых местах, тайно сохраняя надежду вернуться.

Санал родился в июне, спустя шесть лет с момента прибытия в Сибирь. Его отец Мерген, являлся младшим ребенком бабушки Айсы. Он выбрал себе в жены Альму, высокую, стройную девушку, чьи родители не выдержали ледяной путь. До этого времени, за ней приглядывала тётя, которая разрешила выйти замуж, только когда Альме исполнилось девятнадцать. Молодая семья поселилась в небольшом закутке, где едва помещались две соединённые кровати. Здесь позже, на свет появился Санал. Отделенная грубой, ситцевой тканью, эта часть помещения, была единственным местом, где можно было спастись от роящихся над головой комаров в такую пору.

– А какая она, степь? – спросил на калмыцком языке, внучок Санал, когда однажды остался с бабушкой.

Бабушка Айса сидела в позе лотоса, сложив в перекрестии ноги под собой. Её спина была почти такой же ровной как прежде, а душа под стать телу, ещё оставалась мудрой и крепкой. В этот момент, бабушка Айса расчесывала волосы. Белизна седины не смогла до конца спрятать угольную россыпь густых волос, и Санал любовался ими. Ему нравилось вести деревянным гребешком по серебристым линиям, це-

ловать высокий лоб бабушки Айсы.

Некоторое время бабушка сидела молча, устремив взгляд поверх головы Санала.

– Степь подобна объятиям матери, – начала бабушка Айса, – а мы её дети. Ветер, наполняющий могучую грудь лошади, бегущую среди бескрайних, одиноких просторов, наша сила.

Там нет вековых деревьев, что здешние люди привыкли видеть с самого рождения. Нет и полноводных рек, откуда рыбаки могут вытаскивать сильную рыбу.

Для чужака степь будет казаться погибельным местом, где солнце в летнюю пору испепеляет под своими лучами абсолютно всё. Но мы, знаем, что каждую весну наша земля вновь дарит новую жизнь. И ждём этого. Бескрайние просторы зелёной травы и стада лошадей, бесценное завещание наших предков.

Крошка Санал, обычно не мог долго усидеть на месте, но сейчас был спокоен.

– Бабушка Айса, – решил уточнить Санал, – но ведь мы туда не вернёмся?

– Почему ты так думаешь? – улыбнулась бабушка.

– Папа сказал, что у нас всё забрали.

Сухая, тонкая ладонь бабушки Айсы смахнула крошечные слезинки, выступившие в уголках глаз.

– Запомни сынок, – продолжила бабушка, – ни меч, ни ружье не в силах забрать то, что даровано небом. Огонь, зажжённый однажды внутри нас, погаснет только с нашим уходом.

Шёл тысяча девятьсот пятьдесят пятый год. Радостная новость о реабилитации вихрем разносилась по нескладным, деревянным баракам.

Надежда укрепилась в сердцах калмыков.

К этому времени уже шесть лет исполнилось Саналу, и он во многом помогал отцу.

В последний месяц весны, он много времени проводил у постели заболевшей бабушки Айсы. Конечно, Саналик знал, что теперь его народ может и должен вернуться в родные места. И всё же, он не мог радоваться со всеми, когда любимая

бабуля не могла даже встать.

Станционный фельдшер в последний визит только разве- ла руками, и попросила больше не отвлекать её, просьбами помочь бабушке.

Особенно было тяжело, когда приступ чуть не вытряс остатки жизни из сухого, болезненного тела.

Лицо папы приобрело землистый оттенок, отчего Саналу захотелось оказаться в другом месте, лишь бы не здесь.

Ноги как будто существовали отдельно от тела, и вообще Санал мало понимал куда бежит. Дышать стало тяжело, и мальчик присел на поваленное дерево у лесной дороги. Внутри груди kloкотало сердце.

В паре метров от Санала грохотала таёжная река. Казалось её полноводные берега, закрытые ковром густых, пахучих трав шумели громче прежнего. Внизу, под левой ногой мальчик увидел рыбку. Это крошечное, речное существо почти не двигалось. Лишь изредка раскрывая поврежденный рот, с торчащим из-под губы крючком, рыбка хватала влажный воздух.

Присев на колени, Саналик прижал пальцами тщедушное

тельце к траве, и принялся извлекать рыболовную снасть. Тонкая кожа рта рыбки едва сохраняла форму. Маленькая рыбка затрепетала, пытаясь вырваться из кулака Санала.

Закончив с крючком, мальчик спустился к воде. Казалось, рыбка умерла. Когда Санал держал её в ладонях сложенных в чашу, погруженных в реку, она рванула прочь.

Спустя час Саналик шёл обратно. Небо над головой совершенно чистое и синее, молчало, стараясь не мешать его мыслям. Страх, что он уже не увидит бабушку Айсу, скручивал его внутренности.

Вскоре папа вышел из барака. Прошагав несколько метров, он остановился, у лавочки, где сидел Саналик. Присев рядом, папа обнял сына.

Горячие слезы брызнули из глаз Санала, и он не мог говорить. Он поднял с земли короткий, металлический прут, которым стал бить по краю лавки, где прежде оставляла отметины бабушка.

– Ты что надумал? – улыбнулся папа, – бабушка выздоровеет, так и знай сынок!

Слова папы оказались правдой. Спустя полгода Са-

нал оказался на калмыцкой земле, а рядом были папа, мама и бабушка Айса. За это время на её лице появилось много новых морщинок, но сердце, как и прежде, билось в унисон с родным краем.